

*Парадоксы (безответного) вопрошания:
гендерные исследования в постсоветском пространстве*

Ольга Демидова

Эту статью вполне правомерно рассматривать как результат многолетних размышлений о гендерных исследованиях на постсоветской почве. Задумывалась она как сугубо академический текст о методологии, на которой указанные исследования основываются, и о языке (языках), которым(и) они оперируют. Однако, события последнего времени постепенно и закономерно вывели рассуждения автора из поля собственно академических текстов в поле, которое можно с некоторой долей условности назвать академическим бытом, т. е., поле экзистенции (экзистирования?) ГИ в означенных пространственно-временных рамках. Условность определения «академический быт» в приложении к постсоветским ГИ очевидна и задана заключённой в специфике их бытования и функционирования парадоксальностью: в строго терминологическом смысле слова, можно с большей обоснованностью говорить о «быте» как бытовании, чем об «академичности» как эксплицировании фактора институционализации. С другой стороны, предлагаемое определение вполне приложимо к «нашим» ГИ, если рассматривать их как некое единое, «поверх границ», пространство производства и мультиплицирования определённого знания, осуществляемого принадлежащими к академическому – пусть далеко не всегда расположенному к ГИ – сообществу исследователями, действующими во многом вопреки предлагаемым обстоятельствам внешнего порядка.

В результате произошедшей смены вектора размышлений статья является не столько текстом о ГИ как о некоем совокупном продукте исследовательской деятельности, основанной на определённой методологии и языковой парадигме, сколько попыткой вербализовать имеющийся у автора экзистенциальный опыт с присущим ему набором позитивных и негативных коннотаций. Иными словами, предмет авторского рассмотрения становится гендерное сообщество как таковое, являющее собой результат предшествующего (само)развития и исходную точку для последующего движения вперёд (или назад?). Разговор о сообществе в целом неизбежно предполагает разговор о формах и уровнях его существования и функционирования; способах взаимодействия по направлению

«вовне» и «вовнутрь»); возможностях и формате количественного и качественно-го развития и, соответственно, (само)структурирования; поведенческих моделях. Всё вышеозначенное столь же неизбежно предполагает обращение к проблемам институционализации, языка и дискурсов власти.

Кроме того, необходимо учитывать, как минимум, два допущения. Во-первых, естественным историко-феноменологическим «закадровым» фоном для нижеследующего является западное гендерное сообщество, наличие и специфика которого обусловили возникновение и задали параметры сообщества постсоветского.¹ Во-вторых, при единстве проблематики и априорно полагаемой междисциплинарности, а, может быть, именно в силу этих факторов, весьма существенным является фактор пограничности, задающий оппозицию «свой—чужие» не только извне, но и изнутри гендерного сообщества. Очевидно, что предлагаемые в тексте соображения ни в коей мере не претендуют ни на «глобальность», ни на окончательность – скорее, они могут стать точками отчёта/отталкивания для осмысливания сложившегося на сегодня в гендерном сообществе положения дел.

Формально-функциональная парадигма сообщества и проблема институционализации

Представляется, что, с точки зрения сугубо формальной, сообщество существует в двух «планах предъявления»: внешнем и внутреннем. Первый предназначен для выстраивания отношений с не-гендерным миром, как правило – враждебным и в силу этого выступающим как мощный фактор внутреннего единения сообщества, выступающего по отношению к миру внешнему как некая сово- и целокупность, основанная на единстве миропонимания, обусловленной им методологии, бытийных и исследовательских практик и языка. Внутренний план, в рамках которого сообщество самоосознает и самоструктурирует себя, далеко не столь един и далеко не единообразен – он представлен на нескольких уровнях разного феноменологического порядка: государственном и региональном (Украина, Россия, Белоруссия, страны Балтии, Среднеазиатский и Кавказский регионы), профессионально-институциональном (сотрудники академических институтов, университетов, журналисты, а также исследователи, не связанные с какими-либо официальными институциями), поколенческом (по предложенной Ириной Жеребкиной терминологии, «старые» и «молодые» профессора; аспиранты, студенты) и пр.

По отношению к внутреннему плану возможно говорить об определённых формах организации и функционирования сообщества. К первым относятся различного рода центры, объединения, исследовательские группы, создаваемые для разрешения тех или иных задач собственно исследовательского и/или прак-

тического характера; все они могут рассматриваться не только как пространства единения, но и как пространства производства знания, существующие на более или менее постоянной основе. К формам функционирования относятся съезды, конференции, семинары и т. п., а также различного рода издания, выступающие как пространства (ре)трансляции знания. И те, и другие достаточно успешно выступают и как каналы рекрутирования единомышленников, о чём свидетельствует произошедший в последние полтора десятка лет количественный рост сообщества.

По отношению к обоим планам весьма существенным становится вопрос об институционализации. В первом случае, она способствует оформлению и закреплению внешних границ сообщества, его легитимации как в сугубо академическом, так и в политическом пространстве. Во втором – выступает как один из инструментов самоорганизации, выстраивания определённой структуры в противовес некоторой аморфности неинституционализованного бытия и – увы, неизбежно – формирования внутренней вертикали, делающейся тем более жёсткой, чем далее продвигается сообщество по пути институционализации. Очевиден трагический в своей неизбежности парадокс, с которым по определению сталкивается любое сообщество в своём развитии. С одной стороны, оно закономерно *и вынужденно* стремится к институционализации, без которой его дальнейшее существование и успешное функционирование делаются всё более затруднительными; с другой – повышение уровня последней становится одной из причин, играющих для сообщества роль не столько созидательную, сколько разрушительную. Иными словами, отсутствие или слабая выраженность институционализации выступают мощным катализатором, форсирующим имплицитно присущий сообществу и необходимый для его ориентированного на развитие существования потенциал к самоорганизации «по горизонтали», неизбежно перерастающей в самоорганизацию «по вертикали», способной, в свою очередь, при определённых условиях сделаться весьма серьёзной угрозой для существования сообщества как такового.

В приложении к постсоветскому гендерному сообществу эта «угроза вертикали», как ни печально, становится достаточно ощутимой – во всяком случае, в пользу данного утверждения свидетельствуют бурные полемические «протуберанцы», возникающие время от времени в рамках различных списков рассылок и нарушающие (взрывающие) совместно установленные всеми участниками правила, т. е. поведенческие стратегии и язык, понимаемый в самом широком смысле слова. Дело, как представляется, не в нарушениях *per se*, не в нарушениях и не в непосредственных поводах, а в скрытых причинах, подспудно зреющих в «теле» сообщества и периодически прорывающихся вовне. Весьма показательным при этом то обстоятельство, что поводами для взрыва становятся не методологические проблемы, а факторы сугубо бытийного свойства.

Позволю себе утверждать, что к институционализации вполне приложима схема «двух планов», о которой шла речь выше. В плане внешнем речь следует вести о признании (легитимации) ГИ во вне-гендерном мире, т. е. о закреплении их права на существование как самостоятельной академической дисциплины со всей присущей этому процессу формально-процедурной парадигмой: наличием самостоятельных специализированных кафедр, соответствующих курсов с соответствующим статусом, пресловутым номером специальности в классификаторе дисциплин/областей знания, по которым разрешено защищать диссертации и присваивать учёные степени различного уровня и пр. В этом плане ГИ в постсоветских странах, вероятно, долго ещё не займут того положения, которое они занимают на Западе, хотя современное положение дел, несомненно, значительно лучше, чем в начале 1990-х гг. — о чём свидетельствует появившаяся возможность создавать и читать гендерные курсы (пусть и немногочисленные), издавать учебники, учебные пособия, монографии и даже вполне академические журналы и альманахи.²

В плане внутреннем, т. е. в пространстве собственно гендерного сообщества, институционализация, как представляется, если и не завершилась, но успешно и достаточно быстро движется в этом направлении. Прежде всего, сложилась определённая иерархия, определённый корпус имен и трудов — и не только иноязычных авторов, ссылки на которые (вполне справедливо) сделались обязательными. То есть сложился внутренний *канон*, на который необходимо опираться в ходе исследований, претендующих на название гендерных. Кроме того, оформилась оппозиция «гендерные — псевдо/антигендерные исследования», первая часть которой признается легитимной в данном поле, тогда как второй в легитимности отказывается. Очевидно, что и та, и другая стороны оппозиции объективно выполняют некую властную функцию от/разграничивания, отделения своего от чужого — и это обстоятельство вновь актуализирует вопрос о дискурсах власти. Вместе с тем, вряд ли возможно говорить о сформированности самостоятельных научных *школ* в постсоветских ГИ, если понимать школу как существующее в пространственно-временном континууме и методологически определённым образом оформленное единство учителей и учеников (единство в данном случае никоим образом не отрицает самостоятельности каждого из них). Скорее можно говорить о некоей достаточно аморфной *школе*, выросшей из западных ГИ и объединяющей различных исследователей по единственному признаку.

Языковые стратегии

Позволю себе предложить некое подобие типологизирующей классификации того многообразия стратегической языковой парадигмы, которая пред-

ставляется продуктивной (наиболее востребованной) в постсоветском гендерном пространстве. Как и вышеизложенные размышления, она достаточно условна, однако, не претендуя на окончательность и/или неоспоримость, представляет собою инструмент, позволяющий произвести определённые аналитические процедуры.

Расположенные (но не рядоположенные!) по шкале «плюс – минус» языковые стратегии достаточно легко и очевидно подразделяются на два типа: позитивные и негативные; критерием в данном случае является не утверждение и/или отрицание, а наличие и/или отсутствие. Возможно, впрочем, было бы более корректно говорить о соответствующих уровнях. Принятый как критерий способ оценочной экспликации актуализирует трёхчленную структуру «языки согласия – языки протеста – языки молчания». Очевидно, что при попытке соотнесения обеих структур языки согласия относятся к типу языков позитивных, языки протеста – негативных, тогда как языки молчания в зависимости от контекста могут принадлежать как к первому, так и ко второму типу. Не менее значимым для последующих рассуждений представляется подразделение на языки агрессивные и неагрессивные – в соответствии с вполне очевидным критерием; причём как те, так и другие могут быть соотнесены с членами двух первых классификаций как в положительном, так и в отрицательном смыслах.

Каждый тип языка не только актуализируется в определённом дискурсе, но и, в свою очередь, актуализирует его; совокупность языков, задаваемая типом дискурса и определяющая его, становится языковой стратегией, обеспечивающей, среди прочих параметров, успешность функционирования индивида(ов) в данных дискурсивных рамках и, в пределе, обуславливающей самую возможность функционирования этого типа дискурса. С другой стороны, определённый дискурс требует определённой языковой стратегии, способной к экспликации смысла (обретению голоса) в рамках именно этого типа дискурса и утрачивающей эту способность (становящейся немой) в других дискурсивных рамках. Смена дискурса требует смены языковой стратегии – и наоборот, причём эти процедуры должны разворачиваться не последовательно, а параллельно. Невыполнение одного или обоих из указанных условий неизбежно ведёт к дискурсивному сбою, имеющему результатом непонимание как результат невозможности услышать противоположную сторону. При подобном развитии событий любые обоюдонаправленные апелляции, пусть и имеющие в основании самые лучшие намерения, имеют печальный шанс остаться гласом вопиющего в пустыне.

Представляется, что именно этот механизм лежит в основе разного рода недоразумений, нестыковок и конфликтов постсоветского гендерного сообщества – как внешнего, так и внутреннего порядка. Первые, вероятно, неизбежны, однако при всей своей неизбежности могут принимать более мягкие или более жёсткие формы – и, думается, не всегда следует избирать линию жёсткой конфронтации (хотя в некоторых случаях она необходима). Вторые, наверное, есте-

ственны, как болезни роста, но весьма огорчительны, особенно для тех «старых профессоров», которым так и не удалось до конца избавиться от романтического убеждения в том, что «все люди – сёстры». Кроме того, они опасны для целостности сообщества как такового.

На имплицитно оформившийся прямой в своей безапелляционности вопрос «Что делать?» вряд ли возможно найти столь же прямой и столь же безапелляционный ответ. Однако можно воспользоваться ещё одной культурно-языковой стратегией – по аналогии. При обращении к ней сообщество, о котором идёт речь, оказывается едва ли не более всего типологически сопоставимым с эмигрантскими литераторами поколения «сыновей», тоже представлявшими собою «сообщество-дважды-внутри». Основополагающая экзистенциальная установка последних, определившая их эстетику, благодаря которой они были, наконец, услышаны, получила выражение в форме риторического вопроса: «Кто поверит моим словам, если им не верю я сам?». Слегка перефразируя на уровне слов, но сохраняя смысл, можно спросить: «Кто услышит нас, если мы не всегда готовы услышать друг друга?»

-
- 1 Подробно об этом см. статью Ольги Плахотник в этом номере журнала.
 - 2 Весьма существенно, что учебные пособия и практикумы по курсам ГИ, количество которых в последнее десятилетие существенно выросло, во многом дублируют друг друга и могут рассматриваться как различные варианты единого инварианта. Вероятно, это является результатом действия нескольких разнородных факторов: а) физической разорванностью академического пространства не только на уровне различных стран, но и на уровне различных регионов одной страны; б) вторичностью многих исследований и изданий учебного характера, представляющих собой компиляции переводных западных и ставших классическими русскоязычных трудов, в) преобладанием количественной динамики над качественной как неотъемлемой составляющей определённого этапа развития; для Украины следует также учитывать фактор «псевдоинституализации» ГИ, проводимой «сверху», со всеми вытекающими отсюда последствиями.